

**Институциональное значение деятельности В. М. Жирмунского
в истории русской германистики 1920 – 1930-х годов
(по материалам Санкт-Петербургского Отделения
Архива Российской Академии Наук)**

Иногда характер одного человека накладывает отпечаток на всю историческую эпоху или на эпоху в науке. Целая научная отрасль оказывается в этом случае школой одного учителя. Что касается Виктора Максимовича Жирмунского (1891–1971), то в области немецкой диалектологии он действительно создал русскую школу и пользовался большим авторитетом в фольклористике и литературоведении советского времени. Но и русская германистика как таковая, начиная с двадцатых годов XX в., настолько тесно связана с именем Жирмунского, что этого ученого можно считать своего рода «институцией» этой отрасли отечественной филологии.

Интерес Жирмунского к вопросам лингвистики отразился в инициированной им в двадцатые годы практике изучения диалектов немецких поселенцев (колонистов) в России и на Украине.¹ Тогда же он опубликовал ряд статей об этой своеобразной «островной» культуре, чтобы познакомить с ней международные круги германистов, лингвистов, диалектологов, этнографов. Статьи эти появлялись в немецко- и русскоязычной печати, частью в зарубежных журналах, доступ к которым оставался еще свободным.² В 1937 г. Жирмунский подготовил доклад, в котором «изучение немецких говоров нашего Союза» рассматривалось как

---

¹ См.: *Мионов С. А.* В. М. Жирмунский и история изучения немецких диалектов в СССР // *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка.* 1971. Т. 30. Вып. 4. С. 298 – 305; *Смирницкая С. В.* В. М. Жирмунский и Ленинградский центр по изучению немецких поселений в России // *Немцы в России: Русско-немецкие научные и культурные связи: Русско-немецкие научные и культурные связи.* С. 61 – 70. Бесценное собрание фонографических записей фольклора российских немцев («Собрание Жирмунского»), хранится в Фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Записи были сделаны в 1920-х гг. на Украине (Конотоп, Чернигов) и в Ленинградской области (Кингисепп, Ямбург).

² См., например, такие статьи В. М. Жирмунского, как: *Studien zur Volkskunde der deutschen Kolonien // Zur neuen Schule (Moskau).* 1926. Н. 7 – 8. S. 45 – 57; *Проблемы немецкой диалектографии с историческим краеведением // Этнография (Москва, Ленинград).* 1927. Кн. 3. № 1. С. 139 – 150; *Das kolonistische Lied in Russland // Zeitschrift des Vereins für Volkskunde (Berlin).* 1928. Jg. 37 – 38. Н. 4 – 5. S. 38 – 60; *Zur Volkskunde der deutschen Siedlungen in der Sowjetunion // Das Neue Russland (Berlin).* 1929. Jg. 6. Н. 7 – 8. S. 37 – 42.

одна из актуальных задач отечественной германистики.³ Но и до этого ученый несколько раз выступал перед научной общественностью, стремясь привлечь ее внимание к проблеме многовекового бытования языка (в данном случае – немецкого) в чуждой культурной среде, проникновения в него местных (русских, украинских элементов), консервации и смешения старых диалектных особенностей в более или менее замкнутой среде.

В 1924 или 1925 г., по свежим следам экспедиций, предпринятых им вместе с его сотрудниками – студентами и аспирантами Ленинградского университета, Жирмунский прочел в виде отчета доклад «Об истории поселения немецких колонистов и их фольклоре» в Институте сравнительной истории литературы и языка Запада и Востока при Ленинградском университете. Сохранились тезисы этого доклада, из которых видно, что речь в нем шла о немецких поселениях на северо-западе России, вблизи Ленинграда (см. Приложение 1). Через пару лет на этом же материале Жирмунским было написано исследование «Немецкие диалекты на Неве», опубликованное в одном из берлинских германистических изданий.⁴ Тогда же, в 1927 г., ученый был командирован в Германию и с этой же темой – «Диалекты немецких колоний в Советском Союзе» – посетил ряд университетских городов и научных центров, в которых мог рассчитывать на интерес к немецкой диалектологии в ее своеобразном российском варианте. Жирмунский побывал в Марбурге, Гисене, Кайзерслаутерне, Фрейбурге, Лейпциге и Кенигсберге. Достоверно известно, что доклады по указанной тематике он прочел в Лейпциге (в Неофилологическом обществе, в Институте истории культуры и в Институте германистики), а также в столице страны – в Берлинском университете.⁵

Подводя итоги своих исследований диалектов и народной песни российских, а также украинских немцев-колонистов, Жирмунский изложил свои выводы в ряде публикаций, в том числе в работе «Методика социальной географии: диалектология и фольклор в свете географического исследования».⁶ Несколько своих работ Жирмунский послал одному из

---

³ Жирмунский В. М. О проблемах советской германистики (диалектология). Доклад. Черновой автограф. 1937 г. (Санкт-Петербургское отделение Архива Российской Академии наук, ф. 1001, опись 1, ед. хран. 26, л. 2) (Далее сокращенно: СПБО АРАН)

⁴ Zhirmunski V. Deutsche Mundarten an der Newa. 2. Heimatbestimmung der ältesten deutschen Siedlungsmundarten im Newa-Gebiet // Teuthonista (Berlin). 1927. Jg. 3. N. 2/3 (April). S. 153 – 165 (указано в: Генин Л. Е., Житникова В. А., Кузьменко Р. И., Прохорова К. В. (сост.). Виктор Максимович Жирмунский (1891 – 1991): Биобиблиографический указатель. СПб., 1991. С. 35).

⁵ Рукописный текст доклада на немецком языке, с авторскими примечаниями сохранился в личном архиве В. М. Жирмунского (СПБО АРАН, ф. 1001, оп. 1. ед. хр. 4, лл. 1 -131).

⁶ Язык и литература (Ленинград). 1932. Т. 8. С. 83 – 119.

ведущих языковедов этой эпохи и, кроме того, российскому немцу по рождению академику Н. Я. Марру, и тот ответил кратким письмом:

Уважаемый Виктор Максимович,
с благодарностью уведомляю о получении Ваших работ, из которых особенно интересна для меня «Методика социальной географии».

С уважением Н. Марр

21 ноября 1932 г.

Проф. В. М. Жирмунскому.⁷

Лингвистические интересы связывали Жирмунского с формалистической школой, однако в исследовании русского стихосложения, поэтики и стилистики, так же как и в изучении диалектологии немецкого языка, он шел собственным путем. Занимаясь англистикой и историей ряда западных литератур, Жирмунский все же уделял преимущественное внимание немецкой литературе и немецкому языку.

Тесно связанный с литературной жизнью России двадцатых годов и более позднего времени,⁸ Жирмунский привнес в русскую германистику новое понимание литературного произведения как целостной системы, отражающей национально-историческое и языковое бытие. Более того, вслед за И. Г. Гердером, это «системное» представление было перенесено им на национальный язык в целом. Критически перерабатывались им и творчески усваивались точки зрения современных ему авторитетных нефилологов О. Вальцеля, В. Дильтея, К. Фослера. По воспоминаниям его учеников, «средневерхненемецкий язык <...> он преподносил не как чисто лингвистический предмет, а как филологическую дисциплину в широком смысле слова, с глубокими историко-литературными, стилистическими и текстологическими комментариями».⁹ Курс немецкой стилистики, который был прочитан ученым на филологическом факультете Ленинградского университета во второй половине пятидесятых годов, являлся, по сути дела, комплексным курсом истории и современного состояния немецкого литературного языка. Более того, выводя понятие стиля «далеко за пределы лингвистики», В. М. Жирмунский, по определению Д. С. Лихачева, явился

---

⁷ СПбО АРАН, ф. 1001, оп. 3, ед. хран. № 564, л. 1.

⁸ См.: *Лавров А. В.* В. М. Жирмунский в начале пути // *Лавров А. В.* Русские символисты: Этюды и разыскания. М., 2007. С. 544 – 559.

⁹ *Зиндер Л. Р., Строева Т. В.* В. М. Жирмунский как учитель // Проблемы сравнительной филологии: Сб. статей к 70-летию члена-корр. АН СССР В. М. Жирмунского. М.:Л., 1964. С. 12.

«исключительным мастером анализа стиля в его широком, а не только узкоязыковом понимании».¹⁰

Жирмунский представлял себе литературно-исторический процесс как динамическое единство, подчиненное строгим закономерностям. Свой исследовательский метод он называл «художественно-историческим». Художественный вкус и строгий взгляд историка соединялись в этом методе в своеобразный комплекс, в котором эстетический подход к искусству слова сочетался с педантичным (в самом положительном смысле этого понятия) следованием *факту*.

В тридцатые годы научные взгляды Жирмунского не избежали влияния социологии и марксизма. Заметно и даже резко изменился слог Жирмунского: ушли свободные, литературские, «дильтеевские» интонации, изложение стало подчеркнуто академическим, деловым, несколько суховатым. Однако на первом месте у Жирмунского, ученика Федора Брауна и последователя Александра Веселовского, всегда оставалось уважение к историко-литературному и лингвистическому факту как основному компоненту развития литературы и языка.

С 1919 г., с перерывом на время эвакуации в Ташкент в годы Великой Отечественной войны, Жирмунский работал в Петрограде-Ленинграде – профессорствовал в университете, возглавлял Отдел словесных искусств Института истории искусств, Западный отдел Научно-исследовательского института сравнительного изучения литератур Запада и Востока, кафедру западноевропейских языков Педагогического института имени А. И. Герцена. С 1935 по 1941 г. он заведовал Западным отделом в Институте русской литературы (Пушкинский Дом), а с 1957 г. – сектором индоевропейских языков Института языкознания Академии наук.¹¹

Помимо заслуг Жирмунского перед немецкой диалектологией и историей языка, именно история создания Западного отдела, или Отдела западных литератур Пушкинского Дома свидетельствует о совершенно особой роли В. М. Жирмунского также и в судьбе сравнительного литературоведения советского времени.

В 1935 г. в директорат ИРЛИ и в Президиум Академии наук ученый подал заявление-заявку и «Объяснительную записку», в которых обосновывалось превращение группы по изучению западных влияний в русской литературе, которая существовала в Пушкинском Доме, по-видимому, уже в 1934 г., в отдел. Машинописные копии обоих документов сохранились в архиве ученого (см. Приложения 3 и 4). Из них видно, что Жирмунский постарался собрать в новообразованном Отделе лучшие силы

---

¹⁰ Лихачев Д. С. В. М. Жирмунский – свидетель и участник литературного процесса первой половины XX в. // Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 12 – 13.

¹¹ В 1936 – 1941 гг. В. М. Жирмунский редактировал серию «Romano-germanica» в «Трудах Института языка и мышления АН СССР».

из среды филологов-«западников», какие только мог найти в стране. Для нынешних поколений литературоведов эти имена звучат «прономинацией» классиков русской литературной науки (А. И. Белецкий, Н. Я. Берковский, С. С. Мочульский, Д. П. Святополк-Мирский, А. А. Смирнов, Ф. П. Шиллер). Примечательны рекомендации, которые дает им Жирмунский в этих документах. Несмотря на вынужденный бюрократический, казенный, местами шероховатый слог, это – высочайшая оценка их профессионализма и значения в русской науке, неизменно сопровождающаяся формулой «нужен Западному отделу». Как предусмотрительный организатор, Жирмунский заботится и о вспомогательных силах и денежных средствах: понадобятся деньги на выписку книг из-за рубежа и потребуются библиографы для их научного описания. Делается попытка преодолеть существовавший тогда запрет на работу по совместительству, чтобы привлечь ученых из других учреждений и с вузовских кафедр для сотрудничества с Отделом, «ввиду того, что все названные кандидаты являются ведущими научными работниками по специальности, имеющей в СССР сравнительно небольшое число квалифицированных представителей».

Параллельно Жирмунский спешит заявить о подготовке Группой литературных влияний сборника исследований, первоначально названного «Сравнительное литературоведение» (СПБО АРАН. Ф. 1001. Оп. 1. № 19), позже -- «Литературные влияния» или «Литературные взаимодействия России и Запада». Сборник (отв.ред. В.М.Жирмунский и М.П.Алексеев) объемом 20-25 а.л. планировали подготовить к февралю-марту 1936 г. (см.: Протокол совещания западного отдела ИРЛИ от 8 октября 1935 // СПБО АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1935) № 34.Л. 2- 3). К участию в этом издании Жирмунский также стремится привлечь лучших специалистов (в частности, названы М. П. Алексеев, Г. А. Гуковский. М. К. Клеман, Б. Г. Реизов, Б. В. Томашевский, Б. М.Эйхенбаум). Вероятнее всего, это был план не одного-единственного издания, а целой будущей серии – вроде той, какую основал впоследствии академик М. П. Алексеев, создавший в том же Пушкинском Доме, в 1958 г., вслед и по примеру Западного отдела, Сектор взаимосвязей русской и зарубежных литератур. Эта серия, получившая название «Из истории международных связей русской литературы», начала издаваться с 1967 г. А издание, которое за тридцать лет до того планировал Жирмунский, прервалось на первом же «Западном сборнике».¹²

В послевоенный период «оттепели» внимание Жирмунского, как и его коллег и учеников, все больше привлекают вопросы сравнительного литературоведения, возвращающие русскую литературу в контекст

---

¹² Западный сборник / Под ред. В. М. Жирмунского. М.; Л., 1937. Вып. I (АН СССР. Институт литературы (Пушкинский Дом)). Его оглавление см. на сайте Отдела взаимосвязей русской и зарубежных литератур ИРЛИ: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10298>

поначалу литератур стран «социалистического лагеря», а затем и литературы мировой. То, что в тридцатые годы было табуировано стараниями партийных идеологов, теперь пробивало себе дорогу сквозь догматическую кору.¹³ Посвятивший еще в 1924 г. свою докторскую диссертацию «Байрон и Пушкин» компаративной проблеме, Жирмунский теперь, в шестидесятые годы, усиленно занимается теорией межлитературных отношений, развивая идеи А. Н. Веселовского и его научной школы. Опираясь на опыт, накопленный в ходе сравнительных исследований явлений языка, стиля, фольклорно-литературных отношений, Жирмунский выработал принципы историко-типологического изучения литератур на основе творческих взаимосвязей и типологических схождений. Эти принципы были сформулированы им в ряде докладов, сделанных в ходе дискуссии шестидесятых годов о взаимосвязях и взаимодействии национальных литератур. На их основе складывался замысел «Истории всемирной литературы».

Подобно лингвистическим интересам Жирмунского, его компаративистские идеи уходили своими корнями в двадцатые и тридцатые годы. Идея создания многотомной академической истории иностранных, или зарубежных литератур, параллельно созданию академической «Истории русской литературы», зародилась у Жирмунского не позже середины тридцатых годов. Об этом свидетельствует краткий доклад, или нечто вроде памятной записки, машинописный текст которой сохранился в личном фонде ученого, в Петербургском отделении Архива Российской Академии наук. Текст относится к 1936 – 1937 годам и представляет собой сжатую программу-рекомендацию предполагавшейся «Истории западных литератур». Возможно, текст был произнесен автором на одном из заседаний ученого совета Пушкинского Дома. То, что текст отпечатан на пишущей машинке с машинописной подписью автора, позволяет заключить, что предполагалась его публикация, – скорее всего, в академических «Известиях». До 1938 г. в рамках этого журнала выходила в свет серия Отделения общественных наук, в 1939 г. издание этой гуманитарной серии прервалось на год, – возможно, в связи с очередной «чисткой» в рядах гуманитариев Академии наук.¹⁴ Этот перерыв мог стать непосредственной причиной того, почему записка осталась тогда неопубликованной. И лишь в 1941 г., в обновленных «Известиях АН СССР» появился переработанный и значительно расширенный вариант

---

¹³ В архиве В. М. Жирмунского сохранился черновик статьи «Проблемы влияний в сравнительном литературоведении», относящийся к 1935 – 1936 гг.; статья предназначалась для сборника «Сравнительное литературоведение», не увидевшего света, тезисы доклада В.М.Жирмунского «Сравнительное литературоведение и проблема литературных влияний» опубликованы в: Известия АН СССР. Отделение Общественных Наук. 1936. № 3. С. 383–403.

¹⁴ С 1940 г. серия была возобновлена как серия Отделения литературы и языка АН СССР.

изложения замысла – «Принципы и план построения истории западных литератур».¹⁵

Подготовка к изданию, задуманному Жирмунским и его сотрудниками, должна была, несомненно, координироваться именно Западным отделом Пушкинского Дома, став основным объектом работы отдела, и заведующий отделом, естественно, предполагался как ответственный редактор всего этого грандиозного предприятия. Об этом свидетельствуют подготовленные Жирмунским брошюры с планом первых трех томов «Истории западных литератур» (тома должны были быть посвящены литературам Франции, Германии и Испании) и с планом тома, посвященного итальянской литературе (очевидно, он предполагался как том четвертый). Они были изданы Пушкинским Домом соответственно в 1938 и 1940 годах. Как пишут издатели «Трудов» Жирмунского, *«впервые <...> практически решалась задача широкого синтеза, охватывающего весь единый в своей стадильности процесс общественного и литературного развития. В рамках общеисторической периодизации была намечена периодизация литературная – по литературным течениям и стилям. Поскольку «История» должна была строиться по отдельным литературам, отмечалась необходимость «всячески подчеркивать единство литературного процесса в целом и постоянное взаимодействие между национальными литературами». В связи с этим указывалось на необходимость устанавливать принципиальные аналогии литературного развития, закономерно возникающие на одинаковых стадиях социального процесса, а с другой стороны – широко отмечать взаимодействия национальных литератур, в частности «особенно существенным» было названо «установление связей и взаимодействия между западными литературами и литературой русской».*¹⁶ В соответствии с составом тома «Трудов» Жирмунского, которому было предпослано предисловие, откуда мы привели цитату, в замысле «Истории западных литератур» подчеркивался сравнительный, компаративный аспект. Но мы видим, что зерно идеи составлял принцип, который определяется в приводимой цитате как «синтез», хотя вернее было бы назвать его *системным подходом к мировой литературе*. Этот взгляд не был полностью новым – он постепенно формировался, собственно, в течение нескольких столетий – от Дж. Вико, через идеи И. Г. Гердера, А. В. Шлегеля и И. В. Гете, к А. Н. Веселовскому и Ф. А. Брауну. Но В. М. Жирмунский, стоя, так сказать, «на плечах» предшественников, впервые в России отчетливо сформулировал этот подход с практической целью – создать новую Историю всемирной

---

¹⁵ Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1941. № 1. С. 160 – 165.

¹⁶ [Без подписи]. В. М. Жирмунский – теоретик сравнительного литературоведения // Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад (Избранные труды). Л., 1979. С. 11 (курсив наш – Р. Д.). Отсылки – см. выше, прим. 12 (С. 162 – 163).

литературы, по крайней мере, в ее начальном, минимальном варианте как историю основных литератур Европы. Такое издание было нужно не только для просвещения интересующихся читателей, но и как лаборатория – для уяснения, изучения исторического хода словесного искусства, его закономерностей и перспектив. Своего рода близкими предтечами этого замысла можно считать «Историческую поэтику» А. Н. Веселовского и упоминавшуюся уже «Историю западной литературы», под редакцией Ф. Д. Батюшкова.

Как бы то ни было, подготовка томов по истории западноевропейских литератур воспринималась в Академии наук 1940 г. как подход к истории мировой литературы. В отделе хроники академических известий появилась даже рубрика, посвященная этому направлению работы. Можно догадываться, что и в этом дала себя знать инициатива Жирмунского.

Вместе с тем сообщение о работе над историей мировой литературы было пронизано таким густым идеологизмом, что весь замысел грозил оказаться односторонним, перекошенным в сторону «классовой борьбы». Впрочем, характерное для Жирмунского предпочтение историко-литературного факта в значительной мере спасало замысел от таких перекосов. В преамбуле к рубрике говорилось: «"История мировой литературы", над написанием которой работают два литературоведческих института Отделения, строится на основе марксистско-ленинской теории с привлечением значительного количества новых, извлеченных из архива материалов и материалов, не использованных буржуазными историками литературы по классовым соображениям. – "История мировой литературы" ставит задачей показать исторический процесс развития литератур, переоценить значение литературных направлений и отдельных писателей, данное буржуазно-либеральными историками литературы, вскрыть роль литературы как *особого вида идеологии* в освободительном движении народов и способствовать критическому освоению ценностей, накопленных человечеством в процессе своего развития».¹⁷

Западный отдел Пушкинского дома становился, таким образом, *институциональным центром* крупного издательского замысла, который автор идеи определил как «ответственную культурную задачу» общесоюзного значения (см. Приложение 5). Некоторые тома будущей «Истории западных литератур» готовились в Москве, но инициатива их создания принадлежала, по всей видимости, ленинградским ученым во главе с Жирмунским.

В раннем варианте памятной записки было тщательно продумано и выверено каждое слово. В полной мере выдержан слог времени и общества, с ритуальными комплиментами Сталину и «вождям» второго ранга, с

---

¹⁷ Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1941. № 2. С. 125 (курсив наш. – Р. Д.). Более краткий вариант сообщения был помещен в предыдущем, первом номере «Известий».

цитированием «руководящих» партийных документов, с выпадом против «беспринципного эклектизма и реакционных идеологических тенденций современного буржуазного литературоведения», с делением литературы на «прогрессивную» и «реакционную», со взглядом на нее как на «орудие классовой борьбы» и т. п. Вместе с тем нельзя забывать и о действительной ситуации в Европе конца тридцатых годов, кануна Второй мировой войны, – распространения фашистской и национал-социалистической идеологии в Германии, Италии, Испании. Поэтому совершенно искренним было намерение составителей истории литературы противостоять «фашистской фальсификации исторического прошлого, в частности – наследия классиков западных литератур».

Концепция литературного процесса как неперемного «общего движения <...> к реализму и народности» – это отвлеченное представление, заимствованное из русской демократической критики XIX в. и превращенное в догматический *locus communis* марксистского литературоведения, едва ли противоречило тогда убеждениям Жирмунского; в любом случае, упоминание этой идеи в официальной записке было не только уместным, но и обязательным, если автор рассчитывал на успех предприятия.

Однако стоило бы обратить главное внимание на другое. Жирмунский говорил о предполагающемся в задуманном издании «максимально широком охвате всего историко-литературного материала, необходимого для полноты исторической информации читателя», о «раскрытии закономерности процесса литературного развития в его социальной обусловленности». Данью времени и политической осторожности являлось то, что не была подчеркнута эстетическая обусловленность развития литературы – мысль «еретическая» для того времени, поскольку литература считалась полностью зависимым от общественной борьбы видом идеологии. Зато далее Жирмунский исподволь, как бы заслонившись другими фразами, подправляет свою формулировку. «Каждому крупному разделу литературы, – пишет он, – будет предпослано историческое введение, намечающее основные линии общественно-исторического и культурного развития в пределах данного периода. Как отражение общественной действительности литература должна быть показана в тесном взаимодействии с другими видами общественной идеологии, с философской и политической мыслью, наукой и искусством. *Особое внимание должно быть уделено развитию эстетических теорий и литературной критике в их отношении к художественной практике*» (курсив наш – Р.Д.)

Работа над первыми томами, один из которых предполагалось посвятить немецкой литературе, была намечена на 1938 – 1939 годы. Важность издания подчеркивалась тем, что на февраль 1938 г. в Москве

была запланирована специальная конференция Академии наук, на которой собирались обсудить его концепцию и состав.

Замысел не был тогда осуществлен, и причин нашлось, по-видимому, немало. Широта и основательность задуманного издания предполагали спокойную собирательскую и аналитическую работу, сама его концепция требовала объективного и толерантного, взвешенного подхода к истории литературы, что было заведомо невозможным, учитывая жесткую нетерпимость советской идеологии к инакомыслию. Замысел пришелся не ко времени. Внешняя, или, по терминологии тех лет, международная обстановка, а также и внутрисоюзные обстоятельства не способствовали этому. Заигрывание советского руководства с гитлеровской Германией, жесточайшие репрессии внутри страны, назревание военного конфликта в Европе и начало Второй мировой войны в сентябре 1939 г. – все эти события если и не похоронили тогда идею Жирмунского, то значительно видоизменили ее практическое осуществление. Главной внешней причиной стало, разумеется, нападение гитлеровской Германии на Советский Союз в июне 1941 г.

Тем не менее, проект Жирмунского стал в скором времени обретать реальные черты, хотя и не в том виде, в каком он был первоначально задуман. В том же редакционном предисловии к тому «Трудов» ученого говорится: «Война помешала осуществлению этого плана в полном виде. Он был реализован лишь отчасти в издании “История западноевропейской литературы. Раннее средневековье и Возрождение” (1947, переиздания 1959 и 1978), созданном коллективом ученых под руководством В. М. Жирмунского.¹⁸ Его концепция проявилась не только в этом труде, но и в частных исследованиях из истории западных литератур, где конкретные явления, отдельные писательские судьбы рассматриваются как составные элементы мирового литературного процесса (“Байрон и современность”, 1941; “История легенды о Фаусте”, 1958 и др.)».¹⁹

На наш взгляд, этот же самый замысел распался на истории отдельных западных литератур. Жирмунский входил в редакционную коллегию первого тома «Истории английской литературы» (1943) и был главным редактором первого тома «Истории французской литературы» (1946). Эти издания были затем продолжены, но уже без его участия. Он был также членом редколлегии первого тома «Истории американской литературы» (1947), которая на этом и остановилась. При участии Жирмунского как члена редколлегии издавалась «История немецкой литературы» (пять томов, 1962 – 1976). Замысел «Истории всемирной литературы» был впоследствии осуществлен московскими исследователями – в Институте

---

¹⁸ Четвертое издание – 1987 г.

¹⁹ [Без подписи]. В. М. Жирмунский – теоретик сравнительного литературоведения. С. 11.

мировой литературы имени М. Горького, – однако в ином виде, чем представлял его себе Жирмунский.²⁰

Виктор Максимович Жирмунский оставил множество учеников. К его лекциям и книгам восходят судьбы большинства ведущих германистов Советского Союза, включая языковедов – специалистов по немецкому, по английскому и по скандинавским языкам. Еще на рубеже двадцатых и тридцатых годов Жирмунский организует семинар по теоретической грамматике, в котором приняли участие будущие известные грамматисты и литературоведы, германисты по преимуществу (среди них – В. Г. Адмони, С. А. Акулянец, А. В. Десницкая, Л. Р. Зиндер, И. М. Смолянский, Т. В. Строева-Сокольская и др.). Как вспоминали первые ученики Жирмунского, именно тогда было заложено «начало советской германистической литературы».²¹

Имя В. М. Жирмунского остается своего рода знаком качества, «маркой» русской германистики советского периода. Деятельность ученого определила облик и уровень этой отрасли отечественной филологии в XX в. – и этот высокий уровень сохранялся до конца века. И как мы смогли убедиться, теоретические и методологические основы взглядов ученого и его школы были заложены в 1920-х и первой половине 1930-х годов. Личность В. М. Жирмунского явилась в то время, собственно, основным источником излучения новых идей и подходов в русской германистике и компаративистике. Эти отрасли отечественной филологической науки базировались тогда на личности Жирмунского, и, собственно говоря, от его ума, выдержки и осмотрительности зависела их дальнейшая судьба. Независимо от того, как именовалась служебная должность ученого и в каких организациях он работал, он лично оставался одной из центральных фигур научной жизни – в глубоком смысле слова *институцией* русской германистики и сравнительного литературоведения XX в.

Приложение 1

Тезисы доклада «Об истории поселения немецких колонистов и их фольклоре» <1924 или 1925 г.>²²

Доклад, прочитанный в Институте сравнительной истории литературы и языка Запада и Востока (ИЛЯЗВ) при Ленинградском государственном университете. На архивной папке даты: 1924 – 1925 г. В верхней части л. 1

---

²⁰ См.: История всемирной литературы. В 9-и т. М., 1983 – 1993 (издано 8 томов).

²¹ Зиндер Л. Р., Строева Т. В. В. М. Жирмунский как учитель. С. 15.

²² Здесь и далее очевидные сокращения и пропуски в публикуемых текстах нами раскрываются без специальных оговорок – Р.Д.

карандашом, рукой В. М. Жирмунского, сделана надпись: «Доклад, читанный в исследовательском Институте при Университете»

Основание немецких колоний в России – манифест Екатерины II, 4 декабря 1762 года и 22 июля 1763 года. Закон о колонистах 1764 года. (свобода вероисповедания, освобождение от плат [?] на разные сроки, от воинской повинности, ссуды и прочее.). 1764 -1765 годы новая волна колонизационного движения. Саратовская и Самарская губернии, но также Петербургская губерния. Старейшие колонии Петербургской губернии Новая Саратовка (на Неве). Средняя Рогатка (Ижора), Колпино 1766 год; в 1765 году близ Ямбурга – Луцк, Порхов и Франкфурт; между 1804 - 1819 годами Стрельна, Кронштадтская колония, Ораниенбаумское и Петергофское поселения, Кипень (выходцы из Польши, из великого герцогства Варшавского, но также из старых колоний). Mutterkolonien и Tochterkolonien.¹

Общее число – около 30 колоний.

Национальная автономия – самоуправление (канцелярия < опекунства?> иностранных), церковь, школа. 1891 год русификация школы. Постепенно лишились этих прав. В связи с этим русификация, особенно в годы войны. В маленьких колониях (например, Imron [?] Ораниенбуамское поселение) дети говорят только по-русски. Сильно русифицировано население от 20 – 35 лет (поднявшееся [?] после 1905 года и прошедшее войну). Наиболее сохранившийся материал – старики 50 – 70 лет.

Народная песня. Прежде было явлением быта. Например, пели на свадьбах. Теперь, особенно после 1914 года, перестали петь вообще (как бытовое явление – песня исчезла). Помнят песню только старики – у которых, однако, память слаба. Поэтому занятие песнями похоже на археологические раскопки. Есть, однако, семьи, где поют еще сейчас, и [2 слова нрзб.]. Например, в Janino семья Braun (мать лет 40, девочки 18 и 13 лет); в Новой Саратовке семья Ulrich (сын 26 лет; жена его); в Kolpino семья Gebunderler [фамилия читается предположительно] (дочери); в Средней Рогатке – семья Eidemüller (приемный сын, 26 лет). Обыкновенно научились песням от старой Mutter (бабушки) – так в Janino, Новой Саратовке, Kolpino – старухи лет 80 – 70; в Кронштадтском поселении; в Средней Рогатке – редкий случай – поет сам хозяин, лет 50 – 60, особенно комические песни. В семьях, где поют, имеются рукописные Liederbücher.² Собственники стараются собрать разнообразную коллекцию, учатся и переписывают у соседей (почти все грамотны). Требуется при этом критическое отношение к тексту Liederbuch. Например, Alex<ander?> Eidemüller (из Средней Рогатки), любитель песен, побывал на войне. [Далее перечислены зачины песен с различными замечаниями о текстах].

СПБО АРАН, ф. 1001, оп. 1. ед. хран. 1, лл. 1 – 1об. Автограф.

Примечания

¹Материнские, дочерние колонии (нем.)

²песенники (сборники песен) (нем.)

Приложение 2

План сборника, предложенный Группой литературных влияний Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (1935 г.)

Сборник группы «Литературных влияний» ИРЛИ¹

Сборник включает ряд статей по следующим вопросам:

1) проблема влияний, 2) западные влияния в русской литературе, 3) русская литература на Западе. Сборник содержит библиографию русских и иностранных работ по западным влияниям в русской литературе, подготовленную проф. Алексеевым, и ряд рецензий на важнейшие иностранные работы по проблеме влияний. Размер сборника – 25 печатных листов. Срок подготовки – 1 октября 1935 г.²

План сборника:

1) В. М. Жирмунский – «Проблема влияний в сравнительном литературоведении».

2) Б. Г. Реизов. «Французская школа компаративистов» [Заглавие раскрыто по: СПБО АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1935) № 34].

3) М. П. Алексеев. «Образ иностранца в русской и западной литературе».

4) Г. А. Гуковский. «Немецкие влияния в русской поэзии XVIII в.»

5) Б. В. Томашевский. « Французские влияния в пушкинскую эпоху».

6) А. И. Белецкий. «Жорж-Сандизм в русской литературе».

7) К. И. Ровда. «Джордж Элиот и Толстой».

8) Г. Ю. Юрьев. «Гейне в русской цензуре».

9) М. К. Клеман. «Тургенев на Западе».

10) Д. П. Мирский. «Русские писатели в Англии (Достоевский – Чехов)».

11) Ф. П. Шиллер. «Достоевский в Германии».

12) Библиография по западным влияниям в русской литературе, редакция М. П. Алексеева, около 6 листов.

13) Рецензии

Всего 25 печатных листов.³

Для окончания подготовленной проф. Алексеевым библиографии необходимы в срочном порядке ассигнования для технического сотрудника-библиографа.

В. Жирмунский

СПБО АРАН, ф. 1001, оп. 2, ед. хран. 84, л. 20. Машинопись.

Примечания

¹ С 1935 по 1949 г. Пушкинский Дом именовался Институтом литературы (ИЛИ), ранее, в 1932 – 1934 гг., и позже – с июня 1949 г. – Институтом русской литературы (ИРЛИ).

² Сборник, появившийся вскоре в печати, имел, однако совсем иной состав. См.: Западный сборник / Под ред. В. М. Жирмунского. М.; Л., 1937. Вып. I [продолжения не последовало]. Участники запланированного издания, перечисленные в списке В. М. Жирмунского: *Борис Георгиевич Реизов* (1902 – 1981) – ученый-романист, с 1970 г. член-корреспондент АН СССР; *Михаил Павлович Алексеев* (1896 – 1981) – англист, славист, компаративист, пушкиновед, тургенеved, организатор науки, один из основоположников русского советского сравнительного литературоведения, с 1958 г. – академик АН СССР, возобновивший сравнительное изучение литератур в Пушкинском Доме (Ленинград); *Григорий Александрович Гуковский* (1902 – 1950) – специалист по русской литературе XVIII в., пушкиновед, гоголеved, репрессирован в 1949 г.; *Борис Викторович Томашевский* (1890 – 1957) – пушкинист, исследователь русской классики; *Александр Иванович Белецкий* (1884 – 1961) – русский и украинский литературовед, исследователь русской классической, украинской, античной литературы, межлитературных отношений, славист, выступал в научной печати с 1910-х гг., с 1939 г. академик АН УССР, с 1958 г. академик АН СССР; *Кирилл Иосифович Ровда* (1901 – 1999) – англист и славист, в 1930-е гг. аспирант Пушкинского Дома, репрессирован, по возвращении из среднеазиатской ссылки, с 1959 г., научный сотрудник ИРЛИ; *Григорий Юрьевич Юрьев*, – аспирант ИРЛИ в 1930-х гг., арестован в 1936 г., расстрелян в 1937 г.; *Михаил Карлович Клеман* (1897 – 1942) – архивист, исследователь русской классической литературы, тургенеved, исследователь творчества Э. Золя; *Дмитрий Петрович Святополк-Мирский* (1890 – 1939) – историк русской литературы, публицист; в 1932 г. вернулся из эмиграции, в 1930-х гг. работал в Пушкинском Доме, репрессирован в 1937 г.; *Франц Петрович Шиллер* (1898 – 1955) – литературовед-марксист, историк западноевропейской литературы, работал преимущественно в Москве, в 1930-х гг. – сотрудник Пушкинского Дома, репрессирован в 1938 г.

Приложение 3

О Западном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом)
АН СССР <1935 или начало 1936 г.>

Объяснительная записка к плану Западного отдела ИРЛИ

I. Задачей вновь организуемого отдела является изучение наследия западно-европейских литератур с точки зрения марксистско-ленинской методологии. Отдел должен служить центром научного объединения многочисленных литературоведов-западников Ленинграда и Москвы, а также провинциальных университетских городов СССР. До сих пор такой научный центр отсутствовал, и работа по западным литературам группировалась, по преимуществу, вокруг вузовских кафедр и издательств. В целях привлечения к работе ИРЛИ возможно более широкого актива научных сил, Отдел привлекает к своей работе как штатных сотрудников, так и сотрудников на договорных условиях. Для обсуждения научной продукции Отдела организуются регулярные заседания 2 раза в месяц в Ленинграде. В случае, если переезд ИРЛИ в Москву не состоится в непродолжительном будущем, является необходимость организации таких же заседаний в Москве, в целях дальнейшего объединения и стимулирования научной работы. В состав Отдела переходит существовавшая в ИРЛИ группа западных влияний. В круг работы Отдела включаются, таким образом, вопросы взаимодействия между русской литературой и западными. Это позволит более тесно увязать работу нового отдела с основной работой Института по истории русской литературы.

II. Основной такой работой отдела будет подготовка и издание коллективного труда по *истории западноевропейских литератур*. Труд этот, построенный по типу фундаментальных академических изданий (вроде Кэмбриджской Истории Английской Литературы или «Мировой литературы» проф. Вальцеля),¹ должен противопоставить буржуазной методологии марксистско-ленинскую трактовку литературного процесса. В текущем 1936 году должна быть проведена подготовительная и организационная работа и устроен ряд совещаний, с участием историков, по вопросу о плане построения издания, с тем, чтобы к весне 1937 года были подготовлены первые выпуски (по Германии и Франции).

III. Отдел организует *серию историко-литературных монографий*: «Литературы Запада». Серия должна со временем в ряде специальных монографических исследований осветить основные явления западно-европейских литератур (писатели, литературные направления) и основные факты литературного взаимодействия России (СССР) и Запада. Серия должна дать возможность сотрудникам Отдела и другим советским

западникам печатать специальные научные исследования монографического характера по вопросам, требующим углубленной и новой научной проработки в марксистско-ленинском освещении: В серию включаются работы, принятые ИРЛИ по плану 1935 г.:

1. М. П. Алексеев «Англо-русские литературные отношения»;² 2. К. И. Ровда «Джордж Элиот в России»;³ Я. Г. Эйдук «Фрейлиграт и Маркс»; Г. Ю. Юрьев «Гейне и Берне».⁴ На 1936 г. Отдел предварительно намечает печатание монографий, связанных с прежней работой ИРЛИ и группы влияний:

1. А. И. Белецкий «Жорж Занд и русский жоржзандизм» (20 листов);⁵ 2. В. М. Жирмунский «Гете в России» (20 листов). Гослитиздат;⁶ 3. К. Н. Державин «Испанский плутовской роман» (диссертация, написанная под руководством А. В. Луначарского)⁷.

IV. Отдел печатает *материалы и документы* по истории западных литератур, хранящиеся в архивах и научных библиотеках СССР. В 1936 г. намечается печатание собрания сочинений немецкого революционного поэта Веерта, под редакцией проф. Ф. П. Шиллера. Веерт – друг Маркса, член редакции и активный сотрудник «Новой Рейнской газеты», выдающийся поэт-революционер, несправедливо замалчиваемый буржуазным литературоведением. Рукописное наследие Веерта хранится в Архиве ИМЭЛ,⁸ с которым предполагается вступить в соглашение по поводу издания этих материалов. В виду международного значения издания, необходимо дать текст и комментарий на языке оригинала, с кратким резюме на русском языке.

В дальнейшем намечается издание писем Вольтера, хранящихся в Историко-Археографическом Институте Академии Наук,⁹ сборника рукописных материалов по западным литературам XIX в. из Архива ИРЛИ (20 листов – М. П. Алексеев)¹⁰ и др. В 1936 г. намечается работа по выявлению основных рукописных фондов Ленинграда и Москвы.

V. Отдел участвует научными статьями в печатном историко-литературном органе ИРЛИ.¹¹ Помимо того, Отдел издает свои *сборники* (типа временников), объединенные тематически. К марту 1936 г. будет закончен сборник «Литературные взаимодействия России и Запада» (30 печатных листов), подготовленный группой литературных влияний (редакторы В. Жирмунский и М. Алексеев).¹² К ноябрю 1936 г., в связи с предстоящим юбилеем Пушкина, будет подготавливаться сборник «Пушкин на Западе» (редакторы М. Алексеев и В. Жирмунский).¹³

VI. Отдел участвует в организованном ИРЛИ издании собрания сочинений академика А. Н. Веселовского, под редакцией проф. В. Ф. Шишмарева.¹⁴ По плану отдела намечается комментированное издание «Поэтики» Веселовского.¹⁵

VII. Отдел организует систематическое *библиографирование и рецензирование* научной продукции по западно-европейским литературам,

ведя при этом активную борьбу против фашистских тенденций в западно-европейском литературоведении. Библиографирование ведется с помощью сотрудников Библиотеки ИРЛИ, штат которой должен быть соответственно пополнен специалистами-западниками. Для нормальной научной работы Отдела необходимо соответствующее пополнение Библиотеки новейшими иностранными книгами, что требует повышения валютной ассигновки на выпуск книг в размерах, которые могли бы обеспечить работу Отдела. Рецензии зачитываются на заседаниях Отдела и печатаются в институтском органе и временниках Отдела. По этому разделу на февраль 1936 г. намечается индивидуальная тема проф. Ф. П. Шиллера «Германское литературоведение и фашизм».¹⁶

VIII. С 1 января 1936 г. новые вакансии Отдела (6) предполагается заполнить следующими штатными работниками: 1. Проф. Смирнов А. А., старший ученый специалист (французская литература).¹⁷ 2. Проф. С. С. Мокульский (итальянская литература) – ученый специалист.¹⁸ Доц. Н. Я. Берковский (немецкая литература) – ученый специалист.¹⁹ 4. Проф. Ф. П. Шиллер (немецкая литература) – старший ученый специалист (Москва). 5. Д. П. Мирский (английская литература) – старший ученый специалист (Москва). 6. Проф. А. И. Белецкий (французская литература) – старший ученый специалист.

В виду значительного расширения состава Отдела план работы будет с 1 января 1936 г. дополнен и уточнен (в особенности – в разделе индивидуальных монографий).²⁰

И. о. заведующего западным отделом – [аутентичная подпись отсутствует]

(В. Жирмунский)

Ученый секретарь [фамилия и подпись отсутствуют]

СПБО АРАН, ф. 1001, оп. 2, ед. хран. 84, лл. 31 – 34. Машинописная копия.

Примечания

¹ Имеется в виду “The Cambridge History of English Literature”. (Cambridge, 1908 – 1924. Vol. 1 – 15). Что касается работ крупного немецкого историка литературы Оскара Вальцеля (1864 – 1944), то речь идет, вероятно, не об определенном его труде, а о его концепции мировой литературы, или, по его определению, – мировой поэзии (Weltdichtung). Художественно-исторический метод О. Вальцеля подразумевал исследование неограниченного ни временем, ни пространством

взаимообмена литератур как в области содержания (сюжеты, идеи, образы), так и в области литературных форм, причем в этот обменный процесс ученый включал взаимосвязи литературы с другими искусствами («взаимное освещение искусств») в масштабе духовной жизни всего человечества. Характеристику методики О. Вальцеля, противостоявшей позитивистскому и культурно-историческому подходу к литературе, см.: *Жирмунский В. М.* Новейшие течения историко-литературной мысли в Германии // *Жирмунский В. М.* Из истории западноевропейских литератур. Л., 1981. С. 114 – 115 (Избранные труды).

² См. тезисы докторской диссертации: *Алексеев М. П.* Очерки из истории англо-русских литературных отношений (XI – XVII веков) Л., 1937. Отчасти тема затрагивалась затем в изд.: *Алексеев М. П.* 1. Из истории английской литературы: Этюды, очерки, исследования. М.; Л., 1960; 2. Английская литература: Очерки и исследования. Л., 1991 (Избранные труды). Материалы диссертации М. П. Алексеева публиковались во многих работах ученого.

³ Это – кандидатская диссертация К. И. Ровды, она была подготовлена к печати в виде книги, однако в связи с арестом автора готовый набор был рассыпан.

⁴ Напечатаны: *Эйдук Я. Ю.* Фердинанд Фрейлиграт и Карл Маркс. М.; Л., 1936; *Юрьев Г.* Гейне и Бёрне / Отв. ред. В. М. Жирмунский. М.; Л., 1936. На обоих изданиях стоит гриф Пушкинского Дома АН СССР и указана серия «Литературы Запада». Ян Юрьевич (Георгиевич) Эйдук (1897 – 1938), журналист, литератор, кандидат наук, родом из латышских крестьян, в 1930-х гг. учился в докторантуре Пушкинского Дома; тема докторской диссертации – «Литературное окружение К. Маркса»; репрессирован (см. о нем заметку В. Бахтина в: *Распятые.* СПб., 1998. Вып. 3. С. 229 – 232).

⁵ Такая работа А. И. Белецкого неизвестна. Данной темы ученый касался в печати, по-видимому, лишь однажды – в труде «Эпизод из истории русского романтизма: Русские писательницы 1830 – 1860-х гг. Харьков, 1919 (см.: *Кафанова О. Б.* Жорж Санд и русская литература XIX века: (Мифы и реальность). 1830 – 1860 гг. Томск, 1998; по указателю).

⁶ См.: *Жирмунский В.* Гете в русской литературе. Л., 1937.

⁷ А. В. Луначарский, будучи с февраля 1931 г. директором ИРЛИ, руководил работой аспирантов, в частности – диссертациями К. Н. Державина, К. И. Ровды и Г. Ю. Юрьева. Полное заглавие кандидатской диссертации Константина Николаевича Державина (1903 – 1956), литературоведа – западника и слависта, шекспироведа, театроведа, компаративиста, с 1946 г. члена-корреспондента Болгарской Академии наук, – «Образ плутовского героя в испанской литературе XVI – XVII веков». Диссертация не была издана, но ее материалы вошли в ряд работ К. Н. Державина, посвященных Испании и испанскому плутовскому роману

(«Испанская культура» - 1939, сборник «Плутовской роман» – 1975 и 1989 гг. и т. д.). В 1940 – 1950-х гг. К. Н. Державин работал в Пушкинском Доме.

⁸ Институт Маркса-Энгельса-Ленина (Москва), впоследствии: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Двухязычное издание произведений Г. Веерта (Weerth, 1822 – 1856) не было осуществлено; в то время был издан лишь однотомник избранных произведений поэта в русских переводах (М., 1938).

⁹ Академическое издание писем Вольтера появилось только в 1956 г. В тридцатые годы письма французского мыслителя были опубликованы выборочно (см.: Литературное наследство. М., 1937. Т. 29 – 30).

¹⁰ Планы издания рукописных материалов были частично осуществлены много позже, – в частности, как «Неизданные письма иностранных писателей XVIII – XIX веков из ленинградских рукописных собраний» (под ред. акад. М. П. Алексеева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960).

¹¹ Очевидно, уже тогда возникла идея научного журнала, издаваемого в Пушкинском Доме. Она осуществилась только в 1958 г., когда вышел первый номер ежеквартальника «Русская литература».

¹² Этот замысел был осуществлен в виде «Западного сборника» (Под ред.

В. М. Жирмунского. М.; Л., 1937. Вып. 1.), вышедшего под грифом «АН СССР. Институт литературы (Пушкинский Дом), Литературы Запада» (продолжения не последовало). После Второй мировой войны идею создания серии подобного рода попытался возродить М. П. Алексеев, составивший сборник: Русская литература на Западе: Статьи и материалы / Под ред. М. П. Алексеева. М.; Л., 1948. Т. 1 (АН СССР, Институт литературы (Пушкинский Дом)). Издание это было запрещено цензурой и сохранилось лишь в корректурных листах (оглавление воспроизведено в: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10293>).

¹³ Замысел осуществился частично – в виде статей В. М. Жирмунского – «Пушкин и западные литературы» и М. П. Алексеева – «Пушкин на Западе» в третьем, юбилейном выпуске «Временника Пушкинской комиссии» (Пушкин (1837 – 1937) / Ред. В. Д. Бонч-Бруевич и др. М.; Л., 1937. С. 66 – 103, 104 – 151).

¹⁴ Владимир Федорович Шишмарев (1875 – 1957) – ученый-романист, работал в Пушкинском Доме в 1930-х гг., затем – директор Института мировой литературы им. М. Горького в Москве, с 1946 г. академик АН СССР. В 1938 г. он был редактором 16-го тома Собрания сочинений А. Н. Веселовского.

¹⁵ «Историческая поэтика» А. Н. Веселовского вышла в свет в Ленинграде, в 1940 г., под редакцией и с примечаниями В. М. Жирмунского.

¹⁶ См.: Шиллер Ф. П. Немецкое литературоведение и фашизм // Известия АН СССР, Отделение общественных наук. 1936. № 3. С. 405 – 428.

¹⁷ Александр Александрович Смирнов (1883 – 1962) – ученый – романист, кельтолог, итальянист, медиевист, шекспировед, переводчик. В Пушкинском Доме работал с 1936 по 1950 г., пока не был ликвидирован Западный отдел.

¹⁸ Стефан Стефанович Мокульский (1896 – 1960) – ученый-романист, театровед, переводчик, был принят в Пушкинский Дом и до 1938 г. работал секретарем Отдела западной литературы (Западного отдела). В 1940-х гг. руководил московским Гос. Институтом театрального искусства.

¹⁹ Наум Яковлевич Берковский (1901 – 1972) – ученый-западник, германист, исследователь проблем романтизма, в Западном отделе Пушкинского Дома работал в 1936 – 1937 и 1945 – 1948 гг.

²⁰ Некоторые сведения об истории Западного отдела ИРЛИ см.: Заборов П. Р, Отдел взаимосвязей русской и зарубежных литератур // Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905 – 2005. СПб., 2005. С. 312 – 313 (вся статья – с. 312 – 322).

Приложение 4

Заявление о составе Западного отдела ИРЛИ (1 января 1935 г.)

В директорат Института Литературы АН.

Согласно постановлению директората, препровождаю при сем список кандидатов в члены Западного Отдела для представления в Президиум Академии Наук.

1. Проф. А. А. Смирнов – действительный член. 2. Проф. С. С. Мокульский – и. о. действительного члена. 3. Доц. Н. Я. Берковский – старший научный сотрудник. 4. Проф. Ф. П. Шиллер (Москва) – действительный член. 5. Д. П. Мирский (Москва) – и. о. действительного члена. 6. Проф. А. И. Белецкий (Харьков) – действительный член (сверхштатный).

1. Проф. А. А. Смирнов (Ленинград) – профессор ЛИФЛИ [Ленинградского Института Философии, Литературы и Искусства], имеет 27 лет научной работы, выдающийся специалист по средневековой французской литературе, кельтологии, автор исследования о Шекспире, имеет свыше 50 научных трудов. Нужен Западному Отделу для работы по истории французской и английской литературы. Представлен к степени доктора квалификационной комиссией ЛИФЛИ.

2. Проф. С. С. Мокульский (Ленинград) – профессор Педвуза им. Герцена, действительный член Театрального отдела ГАИСа [Государственной Академии Искусствознания], имеет 17 лет научной работы, является крупным специалистом по французской литературе XVII – XVIII в. и по итальянской литературе, автором исследования о Мольере, имеет около 50 [цифра вписана от руки] научных трудов. Нужен Западному Отделу для работы по новой французской и итальянской литературе XIX в. Представлен к степени доктора квалификационной комиссией ГАИСа.

3. Доц. Н. Я. Берковский (Ленинград) – доцент ЛИФЛИ, председатель западной группы ГАИСа, имеет 8 лет научной работы. Выдающийся молодой ученый, известный своими работами по истории немецкого романтизма, по проблеме буржуазного реализма и др., имеет около 20 научных работ и ряд критических статей и рецензий. Нужен Западному Отделу для работы по немецкой литературе XVIII – XIX в. (романтизм) и смежным темам французской литературы. Представлен квалификационной комиссией ГАИСа к степени кандидата.

4. Проф. Ф. П. Шиллер (Москва) – профессор Московского Университета, имеет 9 лет научной работы, выдающийся специалист по немецкой революционной литературе XIX в. и западным литературам XIX в., имеет 10 научных книг и свыше 100 печатных статей. Нужен Западному Отделу для работы по немецкой и западным литературам XIX века. Утвержден в степени доктора квалификационной комиссией Академии Наук.

5. Д. П. Мирский (Москва) имеет 20 лет научной работы (бывший доцент Лондонского Университета), является крупным специалистом по английской и русской литературе XVIII – XIX вв., имеет ряд книг на английском языке о русской литературе. Пушкине, Ленине и др. и ряд статей на русском языке об английской литературе XVIII – XIX в. (Смоллет, Свифт и др.). Нужен Западному Отделу для работы по английской литературе и по литературным взаимодействиям России и Запада.

6. Проф. А. И. Белецкий (Харьков), профессор ИКП [Института Красной Профессуры] и Университета, имеет 27 лет научной работы, является крупным специалистом по западной и русской литературе, имеет около 150 научных работ. Нужен Западному Отделу для работы по французской литературе XIX в. и по французо-русским литературным отношениям. Утвержден в степени доктора квалификационной комиссией Академии Наук. Поскольку проф. А. И. Белецкий выполняет ряд заданий по плану западного отдела (монография о «Жорж Занд», участие в «Истории французской литературы» и в сборнике «Литературные взаимодействия России и Запада»), но в то же время не может в данное время переехать из Харькова в Ленинград, а будет приезжать периодически (2 – 3 раза в год) для докладов и участия в работе Отдела, необходимо

закрепить его при Институте в звании сверхштатного действительного члена.

В виду того, что все названные кандидаты являются ведущими научными работникам по специальности, имеющей в СССР сравнительно небольшое число квалифицированных представителей, представляется совершенно невозможным настаивать на отсутствии у них совместительства, так как их уход лишил бы ленинградские и московские вузы ответственных руководителей, подготовляющих кадры советских западников.

И. о. Председателя Западного Отдела

1. I. 1935 г.

проф. В. М. Жирмунский

[Аутентичная подпись отсутствует].

СПБО АРАН, ф. 1001, оп. 2, ед. хран. 84, лл. 28 – 30. Машинописная копия.

Приложение 5

Предложение о создании академической «Истории западных литератур» (1937 г.)

История западных литератур

Вопросы литературы в нашей стране давно стали предметом самого широкого общественного интереса. В дореволюционное время наследие классиков мировой литературы было доступно лишь узкому кругу привилегированных читателей. Сегодня массовый советский читатель знает и любит не только Пушкина, Толстого и Горького, но увлекается сочинениями Шекспира, Бальзака, Байрона, и Гейне, Ромэна Роллана и Фейхтвангера. Об этом красноречиво свидетельствуют многотиражные издания классических и современных писателей, русских и иностранных, которые исчезают с полок книжных магазинов немедленно после своего появления и тем не менее не успевают удовлетворить все растущие запросы широких читательских масс.

К сожалению, критическая литература, в особенности – посвященная классикам, отстает от требований времени. За исключением двух-трех учебников не одинаково высокого качества, мы до сих пор не имеем ни одного научно-авторитетного издания, в котором интересующийся вопросами литературы мог [бы] ознакомиться с основными научными явлениями литературной жизни прошлого в исторически правильном научном освещении.

Этот пробел должны заполнить коллективные здания «Истории русской литературы» и «Истории западных литератур», план которых в настоящее время разрабатывается Институтом Литературы Академии Наук СССР.

«История западных литератур», по замыслу Института Литературы, должна явиться фундаментальным академическим изданием, которое представит итоги научной разработки этого предмета в изложении наиболее квалифицированных советских специалистов. Издание это рассчитано на специалистов-литературоведов, преподавателей, аспирантов и студентов педагогических и языковых вузов, на писателей и критиков, желающих углубить свое литературное образование, и на широкие массы советских читателей, интересующихся вопросами литературы. Задачей авторов должно быть соединение высокого уровня научной мысли с простотой и доступностью изложения. Коллективный труд советских литературоведов должен помочь советскому читателю в критическом осознании классического наследия и современной литературы Запада.

По своим методологическим установкам советская «История литературы» противопоставит беспринципному эклектизму и реакционным идеалистическим тенденциям современного буржуазного литературоведения марксистско-ленинскую трактовку исторического процесса в его литературной специфике, разоблачая тем самым фашистскую фальсификацию исторического прошлого, в частности – наследия классиков западных литератур.

Пересмотр с этой точки зрения всего литературного наследия Запада должен опираться в первую очередь на многочисленные высказывания классиков научного коммунизма – Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. При максимально широком охвате всего историко-литературного материала, необходимом для полноты исторической информации читателя, такой пересмотр должен выдвинуть на первый план литературные явления исторически прогрессивные: творчество классиков мировой литературы, великих гуманистов, крупнейших мастеров реализма, революционных писателей всех времен, несправедливо замалчиваемых буржуазным литературоведением.

Раскрытие закономерности процесса литературного развития в его социальной обусловленности покажет общее движение литературы в ее высших достижениях к реализму и народности и ее роль как орудия классовой борьбы в деле освобождения человечества от эксплуатации человека человеком.

Каждому крупному разделу литературы будет предпослано историческое введение, намечающее основные линии общественно-исторического и культурного развития в пределах данного периода. Как отражение общественной действительности литература должна быть показана в тесном взаимодействии с другими видами общественной

идеологии, с философской и политической мыслью, наукой и искусством. Особое внимание должно быть уделено развитию эстетических теорий и литературной критике в их отношении к художественной практике.

По плану, разработанному Институтом Литературы, «История западных литератур» будет построена как серия томов, посвященных отдельным национальным литературам. Однако национальные литературы должны рассматриваться не изолированно, а в составе единого процесса исторического и литературного развития, с широким учетом международных литературных связей и взаимодействий. Особое внимание будет обращено на литературное взаимодействие России и Запада, в соответствии с историческими указаниями гг. И. Сталина, А. Жданова, С. Кирова: «Нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР – это, во-первых, - и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и, вообще, мировой истории, - это, во-вторых» («Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР»).

Первые три тома «Истории западных литератур» будут посвящены Франции, Германии и Испании и намечены к подготовке в течение 1938 и первой половины 1939 года. Планы этих томов, подготовленные Институтом Литературы, находятся в печати и в ближайшее время будут разосланы сотрудникам. Вторую очередь составят тома, посвященные Англии, Соединенным Штатам и Италии. К участию в работе привлекается весь актив литературоведов-западников Ленинграда, Москвы и других культурных центров Союза. В феврале 1938 г. Академия Наук созывает в Москве конференцию литературоведов, на которой общий план издания <Истории> Русской и Западной Литературы [так!] и планы очередных томов будут подвергнуты широкой общественной критике.

Дружная поддержка и всесторонняя принципиальная и деловая критика нашей литературной общественности помогут Академии Наук и нашим литературоведам-западникам в осуществлении этой ответственной культурной задачи.

В. Жирмунский

СПБО АРАН, ф. 1001, оп. 1, ед. хр. 24, лл. 1 – 4. Машинопись.